

В Синем Море жил-был маленький Рак. И жилось ему очень плохо, так плохо, что он никак не мог понять, почему Море называют Синим — ему-то оно казалось совсем, совсем серым...

Да, это было очень странно!

Ведь Море было действительно синее-синее, и жить в нём было так весело и интересно! Рыбы (это только раньше люди думали, что они не умеют говорить!) даже сложили Весёлую Песню о том, как хорошо живётся в Море: Никто и нигде!

Никто и нигде!

Не жил веселее,
Чем рыбы в воде!

Ни люди,
Ни звери,
Ни птицы,
Ни змеи —

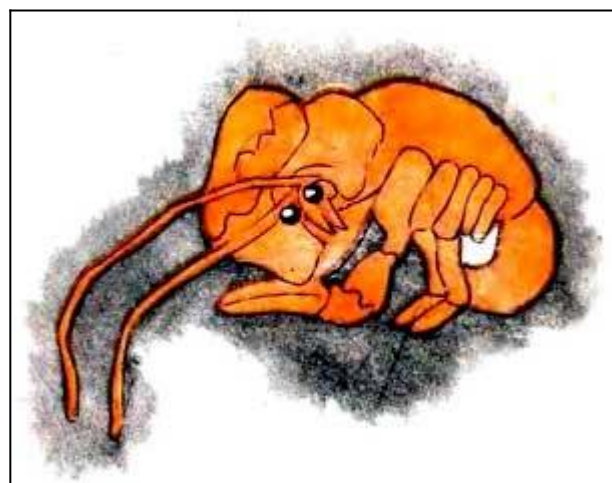
Никто и нигде не живёт веселее!

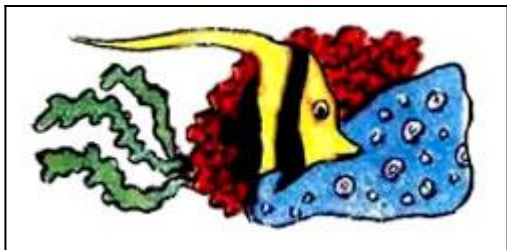
Да, никто и нигде!

Нет, никто и нигде

Не жил веселее,
Чем рыбы в воде! —

и распевали её с утра до ночи. Морские Звёзды так и сияли, Мудрые Дельфины и те резвились, как

дети, а бедный Рак сидел, забившись в какую-нибудь щёлку, и горевал. А ведь у него было всё, что полагается настоящему раку для полного счастья: десять ног и вытаращенные глаза, длинные-предлинные усы и могучие клешни. Вот только панциря у него не было — тельце у него было совсем мягкое... Может быть, потому-то все, у кого такой панцирь был, да и многие другие, обижали его, щипали,

кусали, а то и старались съесть...

И он пел Грустную Песню:

Ах, много места в Море,

И много в нём воды,

Но в нём не меньше горя,

Не меньше в нём беды!..

— Всё горе в том, что тебе не хватает твёрдости, — сказал ему как-то его дальний родственник, Дядя Краб, который всегда ходит боком. — В наше время нельзя быть таким мягкотелым!

И в доказательство он сильно ущипнул бедного Рака.

— Ой! — крикнул Рак. — Больно!

— Это для твоей же пользы, — сказал Дядя Краб, очень довольный собой... — Моё дело, конечно, сторона, но на твоём месте я попытался бы обзавестись каким-нибудь приличным панцирем... Для

полного счастья!И он поскорее бочком-бочком убрался в сторону. Ведь клешни у Отшельника были как у настоящего рака и даже, пожалуй, покрепче...

Да, я и забыл тебе сказать, что Рака звали Отшельником, потому что он, как ты знаешь, не имея панциря, вечно прятался то в пещеры, то в норки, то под камушки, чтобы его поменьше щипали.

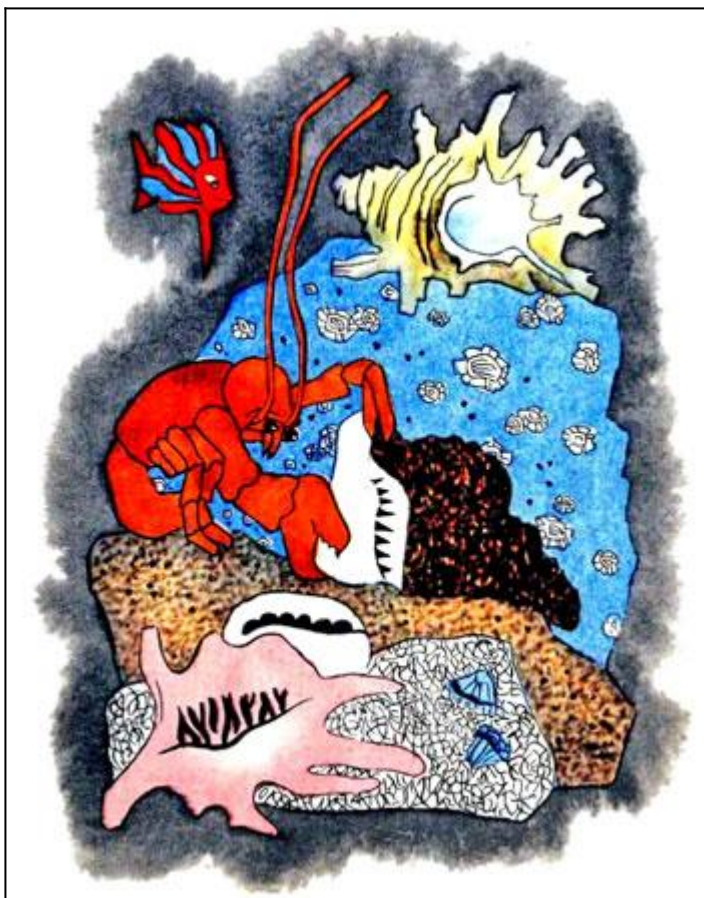
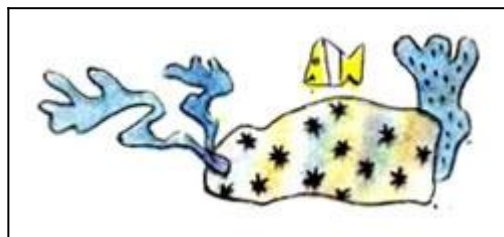
Первый его назвал Отшельником Морской Конёк — он известный насмешник, — а Рыбы-Попугаи (есть и такие!) подхватили его слова, и скоро во всём Синем море да и на суше никто иначе и не называл нашего Рака, как Рак-Отшельник.

«Ну что ж, — подумал Отшельник, когда боль немного успокоилась, — щипок был неплох, но ведь и совет, пожалуй, тоже! Пожалуй, мне действительно стоит об этом хорошенько подумать». Как видишь, Отшельник умел не только горевать, но и думать, а это значит, что он был очень, очень умный рак! А кругом валялось много множество раковин. И вот, хорошенько подумав, он подумал так:

«Самое подходящее место для Рака — это, конечно, Раковина; а самый подходящий жилец для Раковины — это, конечно, Рак. И когда Рак залезет в Раковину, его уже никто не ущипнёт, или я ничего не понимаю ни в тех, ни в других!»

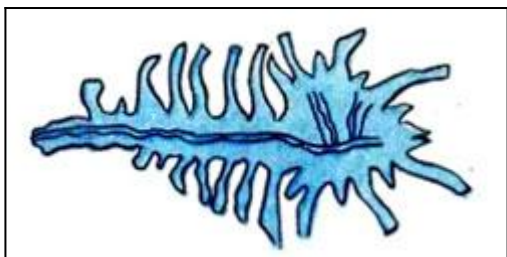
И вот он постучал в первую попавшуюся Раковину и попытался объяснить всё это её хозяйину, но оттуда выглянул сердитый Моллюск и, не дослушав его, сказал:

— Глупости! Я занят! — и крепко-накрепко захлопнул створки Раковины.

— Самое подходящее место для Рака — это Раковина, — продолжал Отшельник, постучав во вторую Раковину, но оттуда тоже выглянул сердитый-пресердитый Моллюск и сказал:

— Глупости! — и тоже захлопнул створку у него перед носом (хотя носов у Раков, как ты знаешь, не бывает). А когда он постучал в третью Раковину, оттуда уже никто не выглянул, потому что там никого и не было, и — о радость! — это оказалась как раз подходящая Раковина: не слишком большая и не слишком маленькая и красивая и прочная — ну, просто в самый раз!

«Да мы прямо созданы друг для друга! — подумал Отшельник, засунув своё мягкое тельце в Раковину. — Чего же лучше! Теперь меня не ущипнёшь!»

И он даже не обиделся, когда вертевшийся неподалёку Морской Конёк тоненько заржал (а это означало, что он собирается сострить) и сказал:

— Иги-ги-ги! Наш Отшельник совсем ушёл в свою Раковину! Иги-ги-ги!

И Рыбы-Попугаи, которые, по правде говоря, ничего в этой шутке не поняли, подхватили и понесли её по всему Синему Морю...

Ну что ж, когда у тебя есть всё, что нужно для полного счастья, можно стерпеть и шутку. Верно?

Но странное дело! Хотя никто (даже Дядя Краб), никто не мог больше ни ущипнуть, ни укутить нашего Отшельника — даже для его же пользы, — ему, видно, всё-таки чего-то не хватало для полного счастья... Иначе почему бы Море по-прежнему казалось ему совсем-совсем серым? И

почему бы он продолжал петь свою Грустную Песню: Ах, много в Море места,

Но не найти никак

Нигде такого места,

Где был бы счастлив Рак!..

Однажды он, не удержавшись, сказал проплывавшей неподалёку Летучей Рыбке:

— Как странно жить в Сером Море! Я слышал, что есть на

свете Белое море, и Чёрное, и Жёлтое, и даже Красное, но никто и никогда не слышал про Серое

Море... — Серое! — засмеялась Летучая Рыбка. — Какое же оно серое? Оно — лазурное, бирюзовое, изумрудное,

голубое, васильковое! Оно — синее-пресинее! Самое синее на свете!

И она поспешила вслед за своими подружками, которые выпорхнули на поверхность, чтобы ещё раз полюбоваться синими волнами с белыми гребешками.

И она поспешила вслед за своими подружками, которые выпорхнули на поверхность, чтобы ещё раз полюбоваться синими волнами с белыми гребешками.

— Кого ни спросишь, все говорят: «синее». Странно! — пробормотал про себя Отшельник. — Почему же только я один этого не вижу? Только я один!

— Именно поэтому, — неожиданно раздался чей-то голос, и Отшельник, вздрогнув, на мгновение спрятался в свою раковину.

А выглянув оттуда, он увидел... — кого бы ты думал? — самого доброго, самого мудрого из всех морских волшебников... — Да, да, ты не ошибся — это был Дельфин. — Да, именно потому, что ты

один! — сказал Дельфин. — Найди себе Друга — и тогда ты

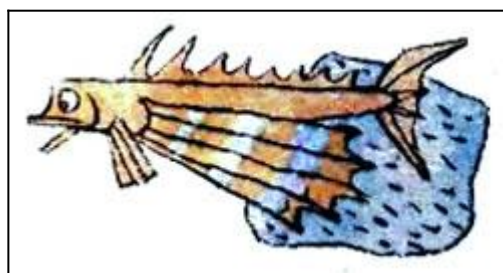
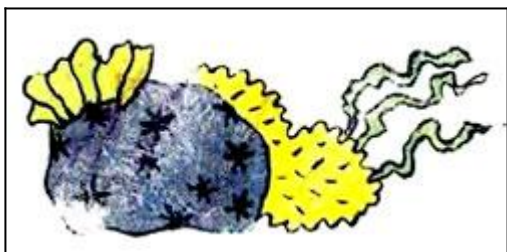
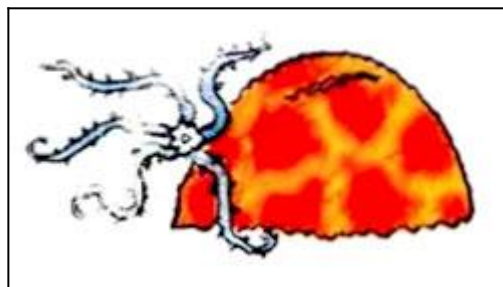
увидишь! Подумай над моими словами. Желаю удачи!

И Дельфин, как и все волшебники, он любил говорить загадками — вильнул хвостом и поплыл по своим делам.

А Отшельник, — как ты помнишь, он умел не только грустить, но и думать, — стал думать...

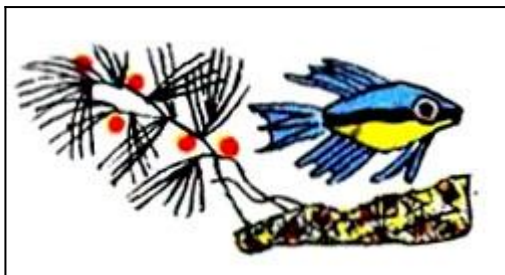
«Дельфин сказал: «Именно потому, что ты один?» Ну,

конечно, когда я найду Друга, я буду не один... Значит, надо искать себе Друга. Горе в том, что я не знаю, кто такие эти Друзья и где они живут и как выглядят. Ну что ж, когда я найду настоящего

Друга, я это сразу узнаю, потому что ведь Море станет синим-синим!»

С этими словами Отшельник отправился искать себе Друга, и, говоря по правде, только сейчас наша сказка и началась.

А я должен сказать тебе, что найти настоящего Друга не так-то легко, даже на дне морском. Особенно, если ты не знаешь, как он выглядит...

Отшельник побывал и на отмелях, и в глубинах, он повидал множество диковинных Существ, Созданий и даже Чудовищ. Но Друга между ними он не нашёл.

На отмели он встретил Ската и спросил его, не Друг ли он. И Скот, который целый день лежит на дне и подстерегает зазевавшихся рыбёшек, сказал ему:

— О, конечно, конечно, я Друг тебе! Иди скорее сюда ко мне, и мы никогда не расстанемся! — и открыл чудовищную пасть...

К счастью, наш Отшельник, как ты хорошо знаешь, был очень умный, и он понял, что Скот ищет не Друга, а Добычу, и поскорее поплыл прочь, а разочарованный Скот замурлыкал про себя свою Страшную Песню:

— Куда спешить на дне морском?

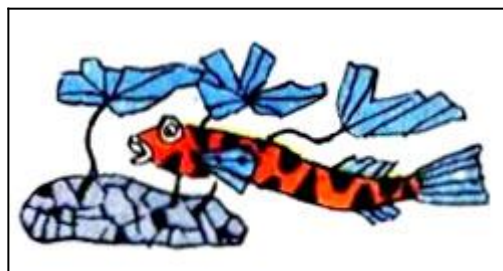
Тут можно двигаться ползком! Друзья, умерьте вашу прыть:

Ползти спокойнее, чем плыть...

Он был по-своему прав, потому что Скату гораздо легче ловить ту Добычу, которая ползает, чем ту, которая плавает...

В глубине Моря, где царит вечная тьма. Отшельник увидел светлую точку и обрадованный поплыл к ней. Это оказалась Глубоководная Рыба с таким трудным названием, что она и

сама его никак не могла запомнить. Увидев Отшельника, она стала манить его своей светящейся удочкой, и плохо бы ему пришлось, если бы он соблазнился приманкой, потому что пасть у Глубоководной Рыбы была ещё страшнее, чем у Ската...

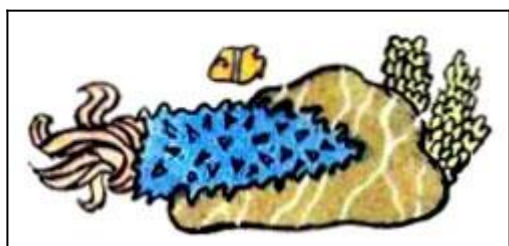
Он познакомился с Голотурией и попытался заговорить с ней, но трусливая Голотурия с испугу вывернулась наизнанку и выстрелила в него собственными внутренностями, потому что она приняла Отшельника за Врага, а Голотурии всегда так откупаются от врагов...Он попытался подружиться с красивой Медузой, но она оказалась совсем глупой да вдобавок ядовитой, и он едва успел увернуться от её ядовитых щупалец.

Словом, сколько он ни искал, он ничего не нашёл: одни — боялись его, другие — смеялись над ним, третьи — старались его съесть, а уж, конечно, ни тех, ни других нельзя считать настоящими Друзьями!

Наконец усталый и очень-очень грустный он присел отдохнуть и сказал:

— Вот я обошёл всё дно морское и нигде не нашёл Друга, и Море по-прежнему серое. Наверное, для меня оно всегда будет серым. Ах, если бы я мог, я бы утопился!..

И тут он услышал, как кто-то с тяжёлым вздохом, словно эхо, повторил:

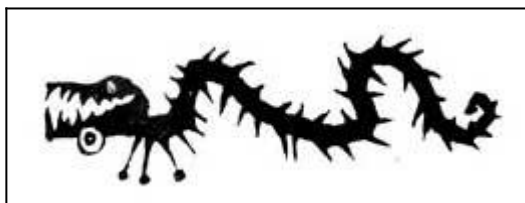

— Ах, если бы я могла, я бы утопилась...Отшельник оглянулся (вернее, просто повёл по сторонам глазами, ведь они у него, как ты помнишь, на стебельках) и никого не увидел. Никого, кроме Розы — Морской Розы. Но ведь Морские Розы — учёные люди называют их актиниями, хотя они и не цветы — вздыхать не могут?

Но вздох повторился, а потом послышалось всхлипывание (а ведь кругом никого не было, кроме Морской Розы).

— Это ты плачешь? — удивлённо спросил Отшельник (он чуть было не прибавил: «А разве ты умеешь?», но вовремя удержался).

Роза ничего не ответила, но так как она заплакала ещё громче, то ответа, в сущности, и не требовалось.

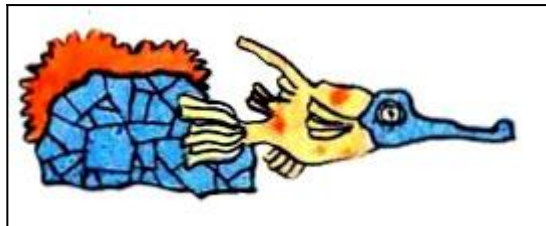

— Почему ты плачешь? Тебя кто-нибудь обидел? — спросил Отшельник (ведь не только тело, но и сердце у него было мягкое).

— Никто не смеет меня обидеть, — сказала Роза. — Никто во всём Море не смеет ко мне прикоснуться!

И она гордо выпрямилась и даже перестала плакать.— Тогда почему же ты плачешь? — спросил её Отшельник так ласково, что Роза тоже смягчилась и ответила ему:

— Мне грустно потому, что это Море такое серое-серое! Вот если бы я нашла Друга, всё было бы по-другому. Но ведь я не умею ходить, и всё что мне остаётся — это стоять здесь, ждать и горевать...

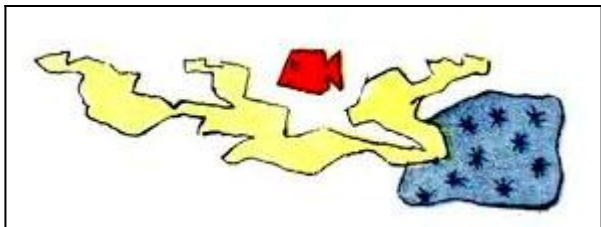
Отшельник хотел сказать ей, что он обошёл всё дно морское и нигде не нашёл Друга, но ему стало жалко огорчать бедную Розу, тем более, что она была такая красивая — тело её светилось розоватым огнём, а лепестки так и сияли на солнце!

И он сказал ей:

— Я как раз хожу по дну морскому и ищу себе Друга и, если хочешь, пойдём вместе, и, может быть, если нам очень-очень повезёт, каждый найдёт себе Друга, и тогда Море станет синим, и мы совсем не будем грустить.

— Да ведь я же не умею ходить, — сказала Роза, и лепестки её поникли.

— Ну, это горе небольшое, — сказал добрый Отшельник, — ведь если ты согласишься, я могу тебя понести! Мне это совсем нетрудно!

Розе было страшновато оставлять насиженное место — хоть ей и плохо там жилось. Так всегда бывает! Но Отшельник говорил с ней так ласково и показался ей таким добрым, что она согласилась.

И вот Отшельник помог ей сойти с камня и сесть к нему на Раковину, и они тронулись в путь!

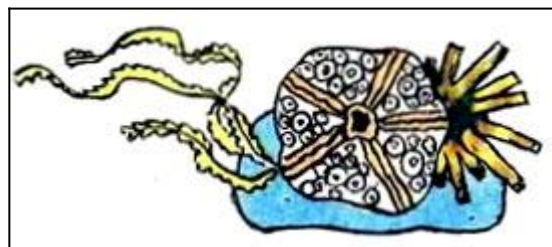
Ох, как закружилась у Розы голова — ведь прежде ей никогда не приходилось двигаться! И ей показалось, что всё несётся вокруг неё бешеным хороводом: и камни, и водоросли, и Морские Ежи, и приросшие ко дну Устрицы. Она даже побледнела, но из гордости не издала ни звука. Да, она была очень-очень гордая!

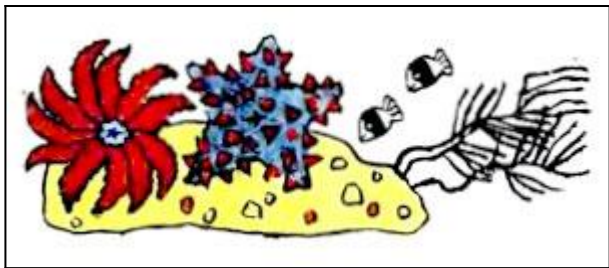
А через несколько минут она свыклась (тем более, что Отшельник, сказать по совести, шёл не так уж быстро) и начала громко восторгаться всем, что видела вокруг. — Ах, как хорошо! — восхищалась она. — Как легко дышать, когда не стоишь на месте! Ой, какие пёстрые рыбки! А кто это так сияет? Морские Звёзды? Не думала, что они такие красивые! А это кто? Ой, как хорошо путешествовать!

И Отшельник едва успевал отвечать на её вопросы. Он, правда, много раз видел всё, чем она так восхищалась, но — ведь он был очень добрый — думал про себя:

«Пусть радуется, бедняжка! Скоро ей всё это надоест, так же, как и мне... По правде говоря, мне очень приятно слышать, как она радуется! Интересно, если бы я нашёл Друга — мы бы радовались с ним вместе или нет?»

И он задумался о том, как грустно, что ему никогда-никогда не найти Друга, и вдруг Роза (которая уже замолчала), как будто угадав его мысли, спросила:

— А когда же мы пойдём искать Друзей? И тут Отшельник не удержался и рассказал ей всю правду: как он искал Друга по всему дну морскому и не нашёл нигде...

— Кто знает, может быть, никаких Друзей вовсе не бывает на свете, — сказал он с грустью, — и лучше их и не искать?

— Неправда! — сказала Роза. — Друзья на свете бывают, я уверена, и не нашёл ты их только потому, что не знал, где их искать.

— А ты знаешь? — спросил Отшельник.

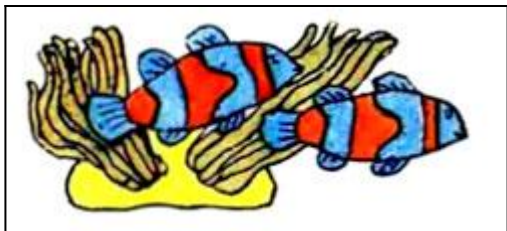
— Я знаю! — сказала Роза. — Настоящие Друзья живут в Алом Городе. Они построили его сами и живут там и дружат, и для них Море всегда-всегда синее! И знаешь, говорят, что эти Друзья — мои сестры или братья или вообще какие-то родственники, так что мы должны пойти к ним, и они нам очень обрадуются!

— А они не будут щипать нас для нашей же пользы? — спросил Отшельник, который при слове родственники вспомнил Дядю Краба.

— Надеюсь, что нет, — сказала Роза гордо, — ведь я говорила тебе, что никто не смеет ко мне прикоснуться! Если я этого не захочу, — добавила она, вспомнив, что ведь Отшельник прикоснулся к ней, когда помогал ей взобраться на Раковину.

Отшельник хотел сказать, что это очень утешает, хотя его самого уже щипали много раз, но не

успел, потому что в эту минуту перед ним появился Дядя Краб собственной персоной. — Доброе утро, племянничек! — сказал он небрежно и хотел было пройти боком по своим делам (у Крабов всегда множество дел), но заметил Розу и от удивления выпучил глаза.

— А это ещё что такое? — спросил он и махнул клешней в сторону Розы.

Нельзя сказать, чтобы он был слишком хорошо воспитан!

— Это — не что, а кто! Это — Роза, — объяснил Отшельник. — Мы с ней идём к Алому Городу искать Друзей!

Дядя Краб удивился ещё больше — глаза у него совсем вылезли.

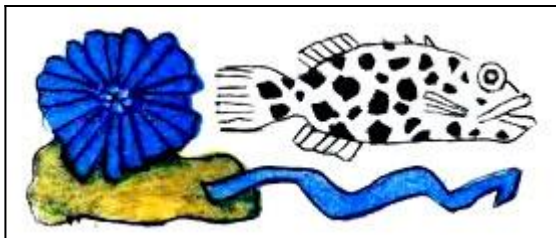
— Моё дело, конечно, сторона, — сказал он, — но всё-таки я должен тебе кое-что сказать. Во-первых, Алый Город находится за семью морями, так что ты туда не дойдёшь! Во-вторых, по-настоящему он называется не Алый Город, а как-то иначе, так что ты его не найдёшь! В-третьих, там нет никаких Друзей, так что ты зря его ищешь! Ты собираешься совершить глупый поступок! А ещё глупее — таскать с собой такую обузу, — и он своей толстой клешней снова показал на Розу.

Роза побледнела от обиды, и лепестки её сжались.

И тут дяде Крабу пришлось удивиться ещё больше, потому что Отшельник (ведь ты не забыл, что он был очень-очень добрый) впервые в жизни рассердился.

— Не смей обижать Розу! — крикнул он и бросился на Дядю Краба.

Дядя Краб едва успел увернуться.— Моё дело, конечно, сторона, — крикнул он, отбежав бочком-бочком на почтительное расстояние. — Но в одном из Семи Морей ты обязательно встретишь Госпожу К., и она покажет тебе, где Раки зимуют! От души желаю тебе этого, дерзкий мальчишка! Для твоей же пользы!

Отшельнику стало страшновато, потому что никто не любит, когда ему показывают, где Раки зимуют, а Раки — особенно... И кроме того, он хорошо знал, кто такая Госпожа К...

И он невольно остановился.

— Ты боишься? — участливо спросила его Роза. — Скажи откровенно, ты боишься этой Госпожи К.? Не бойся! Ведь я с тобой!

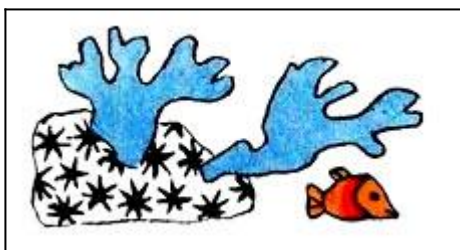
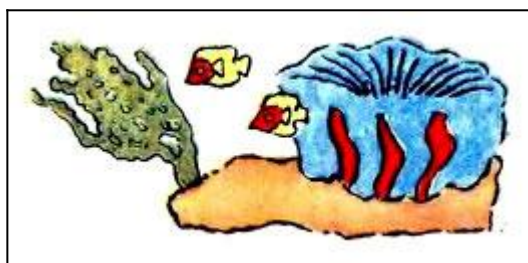
И как ни страшно было Отшельнику, он едва не засмеялся.

Ведь Госпожа К. — так все Раки и Крабы называют самого лютого своего врага, такого страшного, что они даже не решаются произнести её полное имя... Своими страшными щупальцами она хватает самого сильного Краба, и он становится беспомощным, словно младенец; своим страшным клювом она раскалывает самый прочный панцирь, как яичную скорлупу... Чем может помочь ему бедная маленькая Роза, если они встретят Госпожу К.?

Но он не засмеялся — ведь он не хотел обидеть Розу.

— Чему быть, того не миновать, — сказал он храбро. — Но всё-таки... будем надеяться, что мы её не встретим!

— А если встретим, мы сами покажем ей, где Раки зимуют, — сказала Роза, и тут Отшельник с удивлением почувствовал, что ему уже почти совсем-совсем не страшно!

И они пошли дальше. Да, это было долгое путешествие, куда длиннее его первого путешествия по дну морскому! Они прошли Первое Море и Второе Море, и Третье Море — а это гораздо скорее сказать, чем сделать.

Но вот что удивительно: этот долгий путь показался Отшельнику уже не таким долгим. Может быть, потому, что по дороге они делились всем — и каждой крошкой еды, и радостями, и горестями, и мечтами, и весело болтали обо всём, что они видели в пути?

Они шли, и шли, и шли. И когда пришли в Четвертое Море, Отшельник вдруг почувствовал, что он больше не помещается в своей Раковине, и вышел из неё, чтобы поискать себе другую.

— Ты хочешь меня оставить? — прошептала в растерянности Роза.

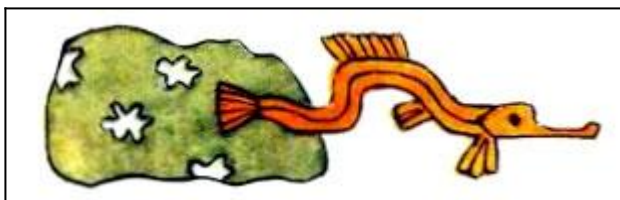
— Что ты! — сказал Отшельник. — Я просто вырос, и мне нужна лишь другая Раковина, побольше этой!

— Ты хочешь меня оставить? — прошептала в растерянности Роза.

— Что ты! — сказал Отшельник. — Я просто вырос, и мне нужна лишь другая Раковина, побольше этой!

— Нет, ты хочешь меня оставить! — настаивала Роза.

Она так волновалась, что совершенно побелела. И ему пришлось долго утешать её, но совсем успокоилась она только тогда, когда он нашёл другую Раковину и посадил на неё Розу, и они снова тронулись в путь.

— Если бы ты меня оставил, я бы сразу умерла, —

сказала Роза.

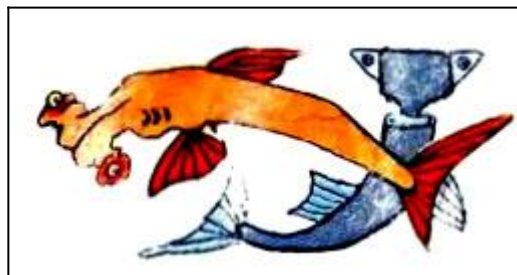
— И я тоже! — воскликнул Отшельник.

И тут Роза снова засияла и начала рассказывать ему сказки и болтать всякие весёлые глупости. И за разговором они даже не заметили, что вода становится всё теплее и теплее, а это могло означать только одно, — что они уже пришли в Седьмое Море — в то самое море, где жила страшная Госпожа К... — Погоди-ка, погоди! — сказал Отшельник, недослушав рассказ о том, как Рыба-Молот (такая есть) женилась на Рыбе-Наковальне (такой на самом деле нет), и у них родилось множество детей: Рыба-Пила, Рыба-Гвоздь, Рыба-Серп, Рыба-Щипцы, Рыба-Напильник, Рыба-Подкова, Рыба-Меч и множество рыб, из которых одни бывают, а другие нет.

— Что это такое?.. — И он остановился.

Он остановился, потому что перед ними было Ужасное Зрелище!

Впереди было ущелье между подводными скалами — и у входа в это ущелье лежала целая груда

панцирей Раков и Крабов. Все они были пустые и расколотые пополам, словно орехи, и раздавленные, как яичная скорлупа, и Отшельнику показалось даже, что среди них лежит изуродованный панцирь Дяди Краба и его клешни, — правда, в такой гряде панцирей, клешней и ног трудно было узнать какой-нибудь один, даже хороший панцирь родственника... Ясно было только одно: где-то поблизости живёт

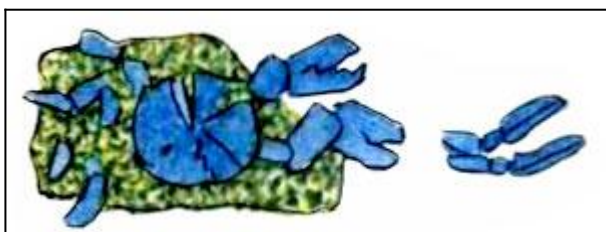
Госпожа К...

Но путь к Алому Городу вёл вперёд — только вперёд!

Медленно, осторожно двинулся Отшельник по ущелью, ощупывая каждый клочок дна своими длинными усами и глядя во все глаза, хотя он и знал, что это почти бесполезно, потому что Госпожа К., как и её родственники — осьминоги, спруты и кальмары, умеет, когда захочет, становиться невидимой, и вы ни за что не отличите её от камня или кучи песка, пока она не кинется на вас, а тогда будет уже поздно!

Ущелье становилось всё уже, всё круче вздымались его скалистые стены с мрачными отверстиями пещер, всё темнее становилось кругом...

А Отшельник всё шёл... Им оставалось лишь несколько десятков шагов до выхода из ущелья, как вдруг в большой пещере блеснули чьи-то страшные глаза, показались длинные щупальца... И из пещеры медленно, беззвучно выплыла Госпожа К.

— Роза, спасайся! — в отчаянии крикнул Отшельник. Он словно забыл, что Роза не умеет ходить и что сам

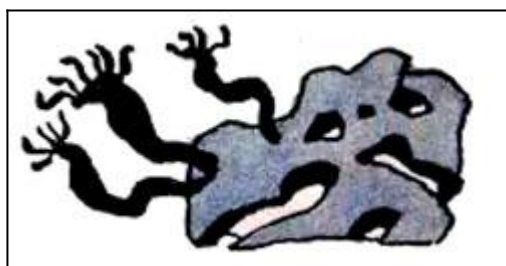
он ходить умеет: от ужаса он застыл на месте и только угрожающе поднял клешни, готовясь

защитить Розу.

А Каракатица — так по-настоящему называют Госпожу К. — не спеша, — ведь она была уверена, что Добыча от неё не уйдёт! — бесшумно подплывала всё ближе и ближе.

Вот Отшельник уже мог разглядеть страшные присоски на концах её щупалец... Извиваясь, как змеи, щупальца всё приближались и, наконец, схватили бедного Отшельника и со страшной силой потащили его туда, где мерцали огромные немигающие глаза и раскрылся грозный клюв... Отшельник отчаянно сопротивлялся, но щупальца были крепкие, как железо, и его клешни бессильно опустились.

«Всё кончено! — мелькнуло в голове Отшельника. — Прощай, Роза!»

И вдруг сноп сверкающих молний ударил в толстое тело Каракатицы!

Это Морская Роза пустила в ход своё грозное оружие — жгучие стрелы, спрятанные в её прелестных лепестках.

Да, недаром она говорила, что к ней никто не смеет прикоснуться!

Удар — и подёрнулись плёнкой немигающие глаза; удар — и щупальца бессильно повисли, выпустив свою жертву; ещё удар — и Каракатица, как ошпаренная (в сущности, так и было!), отлетела в сторону, выпустив напоследок «чернильную бомбу» — облако тёмной, словно чернила, краски... Всё кругом заволкло чернильно-чёрной мглой...

А когда тьма рассеялась — Каракатицы нигде не было.

— Ну, кто кому показал, где Раки зимуют? — спросила Роза. Путь из ущелья был свободен. И в ослепительном сиянии солнца путешественникам открылся Алый Город! Причудливы были очертания его стен, уступами поднимавшихся всё выше и выше и утопавших где-то наверху — там, где кончается Море и начинается Небо. Далеко-далеко разносились кругом весёлые звуки песен и неумолчная трескотня Рыб (ты не забыл, что Рыбы — большие любители поболтать).

«Ах, как, должно быть, весело тут живётся!» — подумали одновременно Отшельник и Роза.

И хотя они никогда не видели Алого Города, они сразу догадались, что это он. Ведь стены у него были такого чудесного цвета — красные, и розовые, и пунцовые, и ярко-ярко алые!

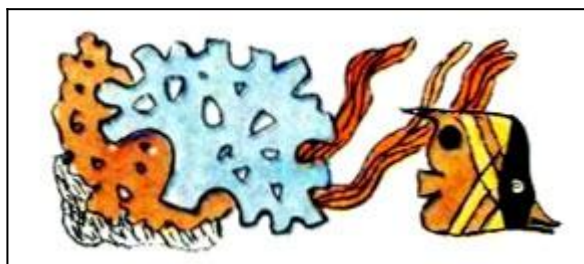
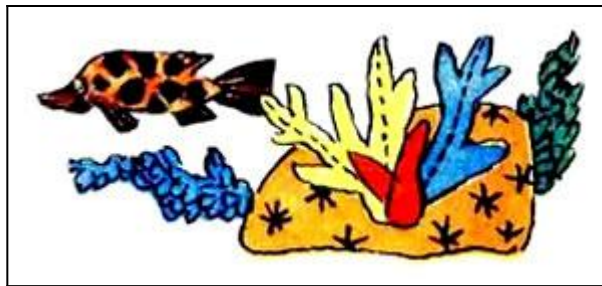
— Это Алый Город? — спросили они у первого встречного. Эта была Рыбка-Доктор, которая как раз лечила большого Тунца от морской болезни. Рыбка-Доктор оторвалась от своего занятия и серьёзно сказала:

— Гм-гм... Алый Город? Называйте его, если хотите, Алым Городом, но на самом деле — это Коралловый Риф! Ведь его построили Кораллы, и с научной точки зрения правильнее называть его

Коралловым Рифом.— Наконец-то я вспомнила! — воскликнула Роза. — Так и зовут этих Друзей... или родственников. Кораллы! Да, да — это они. Идём скорей.

Но когда Отшельник и Роза подошли к Городу (или Рифу) так близко, что им стали видны миллионы прозрачных венчиков, очень похожих на венцы лепестков Розы (а именно так выглядят Кораллы),

Отшельник остановился и заговорил, и в ту же самую секунду заговорила Роза, так что они сказали хором:

Я-НЕ-ХОЧУ-ИСКАТЬ-НИКАКИХ-ДРУЗЕЙ-КРОМЕ ТЕБЯ!— Давно бы так! — прозвучал удивительно знакомый голос. — Искать то, что давно нашёл, — это попусту тратить время!

То был, конечно, Дельфин, Морской Волшебник.

Видя, что ни Отшельник, ни Роза его не поняли, он прибавил:

— Чудаки! Да неужели вы до сих пор не догадались,

что вы и есть самые настоящие Друзья? Про настоящих Друзей говорят: их водой не разольёшь! А ведь для вас не хватило Семи Морей!

— Иги-ги-ги! — тоненько заржал кто-то рядом.

Это был Морской Конёк, как всегда вертевшийся поблизости. Должно быть, впервые в жизни он засмеялся чужой, а не своей шутке: — Иги-ги-ги-ги!

Но, конечно, ни Отшельник, ни Роза не обиделись.

Ведь Море было синее, синее — самое синее на свете!

Жить было так весело, так интересно!

И они подхватили Весёлую Песню, звучащую со всех сторон:— Никто и нигде.

Никто и нигде

Не жил веселее.

Чем Рыбы в воде!

— пели Рыбки.

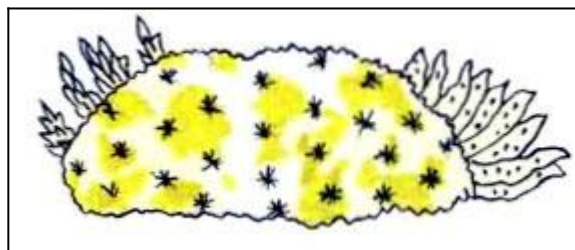
— Но ведь ты и я

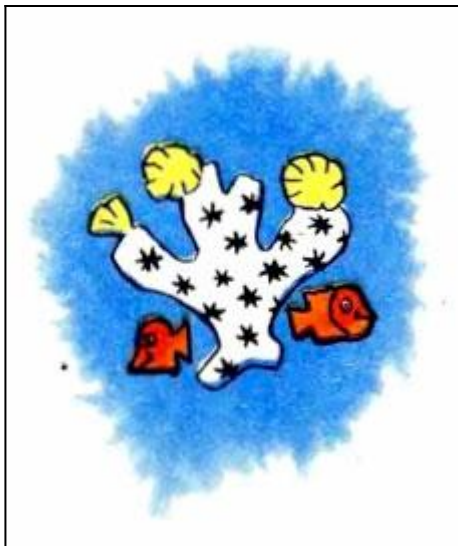
Такие друзья.

Что нам бы могли бы

Позавидовать даже и Рыбы!

— пели Отшельник и Роза.

И по-моему, они были совершенно правы! Ведь если ты нашёл настоящего Друга и поёшь с ним Весёлую песню — значит, у тебя есть всё, что нужно для полного счастья!

